

Л.А. САРКИСЯН

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Каждый писатель рано или поздно создает своего особенного героя, присущего только его творчеству. Таким героем для Достоевского стал князь Мышкин – князь Христос. В произведении проводятся параллели между ним и Иисусом Христом, а также утверждается, что “красота и любовь спасут мир”...

Ключевые слова: Достоевский, “Идиот”, князь Мышкин, Иисус Христос, Рогожин, Настасья Филипповна, Аделаида, Мари, библейские мотивы.

Каждый писатель рано или поздно создает своего особенного героя, присущего только его творчеству. Этот герой является своего рода синтезом, сплавом всех лучших качеств. В русской литературе уже выработаны даже основные черты и качества такого героя. Это человек, во-первых, живущий для всех, кроме себя; во-вторых, не понятый современниками.

У каждого писателя есть одно произведение, которое является для него основополагающим и занимает в его творчестве особое место. В таком произведении герой наследует частицу души самого автора, выражает его главные идеи, может быть в несколько преувеличенном, но вообще-то точном виде. Так, Достоевский в “Идиоте” избрал своим главным героем, как он написал в одном частном письме, “положительно прекрасного, идеального человека, стремящегося внести гармонию и примирение в несурязицу общественной жизни”. Но с первых же страниц романа мы чувствуем трагическую обреченность его, невозможность существования такого человека в мире действительности.

Тема блаженного святого не нова для русской литературы. Такие люди изображаются в русских произведениях начиная с древнерусского периода. Своей бесконечной верой они не только освещают путь идущим с ними, но опережают свое время на несколько веков. И для хода истории не страшно, что эти люди были преследуемы и не поняты окружающими, ведь все равно своим отношением к людям, своей верой в них они очищали их и очищались сами. Не случайно Достоевский в черновиках и набросках к роману называет своего героя “князем Христом”, приходя к мысли, что нет более высокого призвания для человека, чем бескорыстно всего себя отдать людям, и в то же самое время сознавал, каким препятствием к осуществлению взаимной общечеловеческой любви и братства служит состояние современного, во многом эгоистичного общества.

Важной характерной чертой Достоевского как художника является то, что, рисуя нам совершенного идеального героя, он не навязывает свое мнение, он как бы растворяет его во внешности, словах и поступках героя. Одна простая характеристика, одно описание внешности героя сразу же не только располагают нас к нему, но и создают впечатление доброты, широты необычайной, простой и вечной, как мир, согревающей и помогающей жить окружающим.

Достоевский пишет: “Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белую бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь. Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досиня изыбшее. В руках его болтался тощий узелок из старого, полинялого фуляра, заключающий, кажется, всё его дорожное достояние. На ногах его были толстоподошвенные башмаки с штиблетами, — всё не по-русски” [1, 6].

Описание читается на одном дыхании, но каждое слово, каждая черточка, малейший штрих обязательно должны быть выделены. Описание настолько органично, настолько ярко, полно и живо представляет нам Мышкина, что человек, мало-мальски имеющий воображение, безусловно, проникнется доверием к такому образу. Он весь, как на ладони, весь – воплощенное добро и справедливость. Его сердце, душа, даже узелок со всем имуществом, которое у него есть, открыты для всякого страждущего. Он говорит то, что делает, и делает то, что говорит. Он любит и врагов, и друзей, первых даже больше. На всем протяжении романа он не сказал ни одного плохого слова ни о ком, он не только не воздал мерой за меру, то есть злом за зло, но, наоборот, добром постоянно воздавал за зло. В его характере знакомые нам черты причудливо сочетаются с настолько новыми, что, на первый взгляд, кажутся нам по меньшей мере странными. А ведь если бы все люди относились друг к другу именно таким образом, не это ли было царствием Божиим на Земле?

С первых же вопросов, заданных ему попутчиками, читатель узнает о болезни князя. И даже сообщение об этой болезни не случайно. Лишь человек, сам познавший страдание, прошедший через него, может понять и разделить страдания других. И тогда понятно станет, почему любой страждущий телом ли, духом ли близок и дорог князю. Особенно же полно раскрывает сущность болезни Мышкина вопрос, заданный Рогожиным.

— А до женского пола вы, князь, охотник большой? Сказывайте раньше!

— Я, н-н-нет! Я ведь... Вы, может быть, не знаете, я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю.

— Ну коли так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит” [1, 16].

Своего рода лакмусовой бумажкой человеческой доброты, милосердия является отношение к слугам князя Мышкина. Он не на словах, а на деле выполняет завет: “Возлюби ближнего своего, как себя”, причем безотносительно к чину и званию. Беседа Мышкина с камердинером – это беседа равного с равным, человека с человеком. Именно ему, камердинеру генерала, а не князьям и графам, Мышкин рассказывает кровно родное, делится мыслями по поводу смертной казни. Именно это отношение к смертной казни, непреложная ценность и неповторимая особенность каждой человеческой жизни выделяют князя среди других. И первая заповедь: “Не убий” является для него законом жизни. Он говорит обо всем ужасе, невозможности принятия человеческим сознанием неотвратимости смерти. Он говорит: “А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас - душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно. ... Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: “ступай, тебя прощают”. Вот эдакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил” [1, 24-25].

Продолжение этого же разговора происходит и в гостиной. И это не случайный факт. Это свидетельствует о том, что тема эта волнует и мучает Мышкина. В гостиной разговор немного развернут. Здесь Мышкин говорит также о новой жизни, разговор о которой как бы передан от лица его приятеля, на самом деле почерпнут из личных переживаний Достоевского.

“Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет. ... [1, 65]. Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними...” [1, 66].

Здесь уже вера героя не завуалирована, не прикрыта, она в полный голос заявляет о себе. И именно это спокойствие перед концом, которое для верующего человека – лишь начало новой жизни. Никто, как Достоевский, не мог все это почувствовать и передать. Анна Достоевская писала по поводу этого отрывка: “Для Федора Михайловича были чрезвычайно тяжелы воспоминания о том, что ему пришлось пережить во время исполнения над ним приговора по делу Петрашевского, и он редко говорил об этом. Тем не менее мне довелось раза три слышать этот рассказ и почти в тех же самых выражениях, в которых он передан в романе “Идиот” [2, 58].

Мышкин же, продолжая тему, говорит: “Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны, старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильней и шумней, чем у нас...” [1, 64].

Здесь интерпретируется совсем по-новому идея о Царстве Божием на земле, более совершенное новое устройство мира и общества.

Хотя князь Мышкин подчеркивает, что он не очень образован, тем не менее, мы понимаем, что он хорошо знаком с духовной литературой, причем с подлинниками. Он изучил их настолько хорошо, настолько вжил в них, что совершенно произвольно, когда его просят написать что-нибудь, чтобы проверить его почерк, он затейливо выводит: “Смиранный игумен Пафнутий руку приложил” [1, 36].

Но еще полнее мысли Мышкина раскрываются в рассуждении о сюжете картины, предложенной Аделаиде. Вначале он говорит о картине, виденной им недавно в Базеле. Эта картина, как известно, произвела сильное впечатление на самого Достоевского. Речь идет о картине Ганса Фриса “Усекновение главы Иоанна Крестителя”, хранящейся в художественном музее в Базеле, в котором писатель побывал в августе 1867 года. Лицо Иоанна изображено в тот момент, когда над ним занесен меч. Мышкин, рассказывая о случае, которому он сам явился очевидцем, предлагает то же самое написать Аделаиде. Мотив неотвратимости казни, ужаса перед смертью непрерывно звучит на протяжении всего рассказа князя Мышкина, что объясняется бесконечным человеколюбием и религиозностью самого Достоевского.

Неслучайным является тот факт, что, говоря о казни, Мышкин неоднократно упоминает число 3 (осталось три улицы, три ступени до эшафота, осталось три минуты, он хотел дать три распоряжения). Ведь “три” - это библейское число (во имя Отца, и Сына, и Святого духа).

Мышкин советует: “Нарисуйте эшафот так, чтобы видна была ясно и близко одна только последняя ступень; преступник ступил на нее: голова, лицо бледное как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы, и глядит, и — всё знает.

Крест и голова — вот картина, лицо священника, палача, его двух служителей и несколько голов и глаз снизу, — всё это можно нарисовать как бы на третьем плане, в тумане, для аксессуара... Вот такая картина” [1, 71].

Здесь несколько раз упоминается крест – основной библейский символ всепрощения, смирения, жизни после смерти физической.

Одной из основных тем, раскрывающих чувства и натуру Мышкина, являются его взаимоотношения с Мари.

Со времен существования человечества существуют различные мнения о счастье человека. Одни представляют его себе так, другие этак, и каждый писатель выдвигает свое представление. Один из классиков считал, что счастье есть отсутствие несчастья. Толстой писал, что все счастливые семьи похожи, а каждая несчастная несчастна по-своему. И большинство писателей счастье своих героев видят в любви. Герой же Достоевского говорит: “Я не был влюблен. Я был счастлив иначе” [1, 72].

Счастье Мышкина заключается в том, чтобы служить другим, делать добро, отдавать себя и все, что у него есть, делить все, что он может и не может для восстановления попорченной справедливости.

Он спасает Мари своим душевным теплом, вселяя в нее чувство собственного достоинства, поддержав пошатнувшуюся веру ее в людей, добро, справедливость.

Достоевский придал их взаимоотношениям евангельский колорит, используя предание о Христе и Марии Магдалине. Но основная заслуга Мышкина даже не в том, что он спас человека, а в том, что он даже не представляет себе, как можно было поступить иначе. Для него то, что другие считают исключительной чертой, – основа характера, натуры.

Первым критерием благородства и богатства натуры, как отмечалось выше, является отношение человека к людям так называемого “низкого” звания. Вторым критерием является отношение детей. Детское мышление, чувство, мироощущение, еще не исковерканные предрассудками общества, во многих случаях могут быть прекраснее и чище, чем у взрослых. Так

именно дети первыми поняли и приняли Мышкина, и только вслед за ними – взрослые. Дети обожали Мышкина, ходили за ним по пятам, ловили на лету его любое слово. Не случайно в Библии много раз упоминается тот факт, что Христос шествовал в окружении детей.

Продолжая тему библейских сюжетов и обращения к Библии, Достоевский постоянно апеллирует к Апокалипсису или Откровению Иоанна Богослова – последней из книг Нового Завета, содержащей пророчество о конце света и Страшном суде. Достоевский не раз прибегает к апокалиптической символике, раскрывая тему кризиса буржуазной цивилизации. В речи своих героев он часто использует высказывания из Апокалипсиса, например, в речи Лебедева.

Одним из ярких примеров обращения к библейским сюжетам в романе является тема, связанная с картиной Гольбейна. Именно здесь в первый раз задается прямо вопрос, ответ на который готовится подспудно, всем предыдущим повествованием.

“— А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в бога или нет? — вдруг заговорил опять Рогожин, пройдя несколько шагов.

— Как ты странно спрашиваешь и... глядишь? — заметил князь невольно.

— А на эту картину я люблю смотреть, — пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос.

— На эту картину! — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — на эту картину! Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!” [1, 232].

Упоминание об этой картине не является случайным. Сам Достоевский, будучи в Базеле, видел ее, и она произвела на него огромное, неизгладимое впечатление. Восклицание, которое он вложил в уста Мышкина, по свидетельству его жены, Достоевский произнес сам. Чем же отличалась эта картина таким особенным, что так действует на зрителя? В первую очередь, необычен сам сюжет картины, но самое главное в ней – это изображение лица Бога-человека. Нечеловеческое, земное страдание преобладает над Божественным. Перед нами не абстракция, не идея, а страдающий человек. Он одновременно и сближает нас, и отдаляет.

Критерием нравственной оценки человека является также его отношение к красоте. Оно может проявляться в желании полностью завладеть ею, подавить ее, или, наоборот, в стремлении защитить ее, сделать ее еще более блестящей. Натура же человека определяется типом красоты, которой он поклоняется. Не случайно поэтому Достоевский приводит коротенький разговор генеральши с Мышкиным, касающийся Настасьи Филипповны.

“- Да, хороша, - проговорила она наконец, - очень даже. Я два раза ее видела, только издали. Так вы такую-то красоту цените? - обратилась она вдруг к князю.

- Да... такую... - отвечал князь с некоторым усилием.

- То есть именно такую?

- Именно такую.

- За что?

- В этом лице... страдания много... - проговорил князь, как бы невольно, как бы сам с собою говоря, а не на вопрос отвечая” [1, 87].

Князь говорит о библейской красоте, к которой приходят через страдания. Да и действительно лишь страдающий человек может понять страдания другого.

Кто же эта женщина, которая сыграла в судьбе Мышкина такую роль, что после смерти ее он чувствовал себя опустошенным.

“На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона: волосы, по-видимому, темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худя лицом, может быть, и бледна...” [1, 33].

Поражает, на первый взгляд, страшное несоответствие в ее лице. Как могут сочетаться в одном лице страсть и высокомерие? Но если вдуматься, разве это не описание лиц людей, томимых и охваченных какой-то великой идеей? Настасья Филипповна – безгрешная грешница, которая всю жизнь расплачивалась за чужой грех. И когда в критическую минуту ей пришлось выбирать между Мышкиным и Рогожиным, жизнью и смертью, преступлением и наказанием, она после долгих колебаний и мучительных раздумий приходит к пропасти, которая в обычном понимании является смертью, а в библейском – воскресением. Лишь бесконечно духовный человек, глубоко религиозный, свято верящий в справедливость, мог понять ее, но спасти от самой себя не мог никто. Она сгорела, как тонкая свеча, вспыхнула и погасла, на секунду лишь осветив бездумный покой живущих рядом людей. И лишь один человек в ее жизни смог понять ее и стремился объяснить не только окружающим, но и ей самой красоту и силу ее характера.

Противопоставляя в лице Мышкина своеволию и индивидуализму любовь и прощение, Достоевский не оставляет без своей симпатии и бунтующих, непокорных своих героев. Особая привлекательность Настасьи Филипповны, неотразимость ее красоты заключается в гордой непримиримости, максима-

лизме ее чувств и стремлений. Больной чахоткой Ипполит доходит до дерзкого богоборчества, протестуя против того, что и Христос был обречен на смерть и уничтожение.

Несмотря на трагический финал романа, пафос любви к жизни и людям остается главенствующим в нем. Светлую нить, которую Достоевский обозначил как “цель и надежда”, он вплетает в эпилог романа, сообщая о письмах бывшего флигель-адъютанта Евгения Павловича Радомского, который извещает о Мышкине Колю Иволгина и Веру Лебедеву и собирается вскоре вернуться в Россию новым человеком. Вера Лебедева и Коля Иволгин символизируют новое молодое поколение, принявшее эстафету гуманизма Мышкина. Таким образом, Достоевский еще и еще раз доказывает библейские заповеди. В современной, повседневной жизни он находит библейские сюжеты и приходит к выводу, что “красота и любовь спасут мир”...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Достоевский Ф.М.** Собрание сочинений в двенадцати томах. - М.: Правда, 1982. - Том 6-7.
2. **Гроссман Л.П.** Семинарий по Достоевскому. - М.: Пг, 1922. - С. 58.

L.A. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

ԱՍՏՎԱԾԱՇՆՉՅԱՆ ՄՈՏԻՎՆԵՐԸ ԴՈՍՏՈՎՍԿՅԱՆ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Ամեն գրող վաղ թե ուշ ստեղծում է իր հերոսին, որ հատուկ է միայն իր ստեղծագործություններին: Այդպիսի հերոս Դոստոևսկու համար դարձավ իշխան Միշկինը: Ստեղծագործության մեջ զուգահեռներ են անցկացվում նրա և Հիսուս Քրիստոսի միջև: Հաստատվում է նաև այն միտքը, որ գեղեցկությունը և սերը կփրկեն աշխարհը:

Առանցքային բաներ. Դոստոևսկի, իշխան Միշկին, Քրիստոս, Ռոզոժին, Նաստասյա Ֆիլիպովնա, Ադելաիդա, Ապուշ, Մարի, աստվածաշնչյան մոտիվներ:

L.A. SARGSYAN

BIBLICAL MOTIVES IN DOSTOEVSKY'S WORKS

Every writer, sooner or later, creates a special character inherent only to his works. So the hero of Dostoevsky was Prince Myshkin - Prince Christ. The work draws parallels between him and Jesus Christ and claims that “Beauty and love will save the world”...

Keywords: Dostoevsky, Idiot, Prince Myshkin, Jesus Christ, Rogozhin, Nastasia Philipovna, Adelaide, Marie, biblical motives.